

Woman in Russian Society
2018. No. 4. P. 120—131
DOI: 10.21064/WinRS.2018.4.11

Женщина в российском обществе
2018. № 4. С. 120—131
ББК 60.561.2
DOI: 10.21064/WinRS.2018.4.11

ИССЛЕДОВАНИЕ ВЗАИМОСВЯЗИ СТЕПЕНИ ГЕНДЕРНОГО НЕРАВЕНСТВА И УРОВНЯ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Е. В. Базуева^a, М. В. Радионова^b

^a Пермский государственный национальный исследовательский университет,
г. Пермь, Россия, bazueva.l@mail.ru

^b Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Пермь),
г. Пермь, Россия

Апробирована методика эконометрического исследования значимости гендерного фактора в развитии регионов России. Установлено наличие взаимосвязи между уровнем гендерного неравенства и эффективностью экономического развития регионов, в том числе уровнем развития науки и внедрения достижений НТП. Выявлена противоречивость зависимостей между воспроизводством гендерного неравенства и показателями институциональной эффективности, что является следствием низкого качества институциональной среды в регионах России в целом. Полученная обратная зависимость между уровнем гендерного равенства и ИРЧП подтверждает, что данное равенство обеспечивается на основе деградации человеческого потенциала. Сделан вывод, что при сохранении указанных трендов можно ожидать усиления диспропорций в развитии регионов, это будет тормозить темпы развития национальной экономики в целом.

Ключевые слова: гендерное неравенство, индикаторы эффективности, социально-экономическая система, экономика региона, факторы развития, индекс гендерного неравенства, эконометрическое моделирование.

A STUDY OF THE RELATIONSHIP BETWEEN GENDER INEQUALITY AND THE LEVEL OF REGIONAL SOCIO-ECONOMIC SYSTEMS DEVELOPMENT

E. V. Bazueva^a, M. V. Radionova^b

^a Perm State National Research University, Perm, Russian Federation, bazueva.l@mail.ru

^b National Research University “Higher School of Economics” (Perm),
Perm, Russian Federation

At present, scientists and experts believe, that the achievement of gender equality is one of the conditions of modern development efficiency. This conclusion is confirmed by the results of numerous studies. However, the list of investigated factor variables that reflect the impact of gender inequality on the efficiency of national and regional socio-economic systems

is limited. Besides, tools of methods of an econometric research of the revealed dependences are not used. In 2010 we approved of a method of intercountry comparisons of a research of interrelation between the level of gender inequality and the parameters of the efficiency of national economies. In this article, this method was applied to reveal the significance of gender in the development of Russian regions. For the purpose of carrying out an econometric research, using the technique offered by E. B. Mezentseva, a gender inequality Index of Russian Federation regions was calculated. The article presents the leading regions and regions-outsiders on this indicator. Econometric modeling results allowed to establish a relationship between the level of gender inequality and the efficiency of economic development of Russian regions, including the level of science development and implementation of scientific and technological progress. The obtained relationship between the reproduction of gender inequality and institutional efficiency of functioning of regional socio-economic systems were quite contradictory, which is determined by the region's institutional design specifics and is a consequence of the low quality of the institutional environment in Russian regions as a whole. In the model, in contrast to the previously obtained global trends, an inverse relationship between the level of gender equality and the human development index is revealed. The model confirms the results of studies of N. V. Zubarevich, who suggests that gender equality is based on the degradation of human potential. It is established that reproduction of gender inequality strengthens differentiation of the population income. The conclusion is drawn that at preservation of the specified trends in the long term may lead to strengthening of disproportions of Russia regional development which will hinder growth rates of national economy in general.

Key words: gender inequality, efficiency indicators, socio-economic system, region's economy, development factors, Gender Gap Index, econometric modeling.

Введение

В настоящее время существует достаточное количество исследований, подтверждающих, что в постиндустриальной экономике гендерное равенство становится одним из основных условий эффективности современного развития (см., напр.: [Сен, 2004; Berhard, Goldsheider, 2013; Deaton, Case, 2002; Hausmann et al., 2011; Кто несет ответственность... , 2009]). Необходимость учета степени гендерного неравенства в государственной и региональной политике была обоснована и российскими исследователями (см. напр.: [Роцин, Зубаревич, 2005; Калабихина, 2009; Мезенцева, 2010]). При этом региональный аспект в их работах представлен достаточно ограниченно. Кроме того, не применялись количественные методы исследования. В этой связи апробированный нами метод межстрановых сопоставлений, использованный при изучении взаимосвязи между уровнем гендерного неравенства и параметрами эффективности национальных социально-экономических систем (подробнее см.: [Базуева, 2012, 2013]), был применен к выявлению значимости гендерного фактора в развитии регионов России.

Методика и инструментарий эконометрического исследования

В качестве результативного признака также использован интегральный показатель GGI¹. Заметим, что в нашей стране, несмотря на наличие сборников

¹ Gender Gap Index — составной индекс, определяющий уровень средних достижений по четырем основным направлениям: здоровью и долголетию, знаниям, доступу к политике и достойному уровню жизни, скорректированный для учета диспропорций в положении

гендерной статистики, GGI по регионам РФ не рассчитывается. Впервые попытка определить данный показатель была предпринята Е. Б. Мезенцевой (подробнее см.: ([Мезенцева, 2010: 311—314])). Для проведения эконометрического исследования GGI был рассчитан нами по данным 2013 г. Выбор периода обусловлен доступностью показателей, необходимых для оценки деятельности органов власти субъектов РФ, которые опубликованы только по итогам 2013 г. На основе осуществленных расчетов значения GGI количественно оценены масштабы и глубина гендерного неравенства в регионах России (табл. 1)².

Таблица 1

Рейтинг регионов России по уровню гендерного равенства

Пятерка регионов-лидеров	GGI	Пятерка регионов-аутсайдеров	GGI
Кемеровская область	67,4	Республика Дагестан	43,7
Калужская область	66,4	Республика Ингушетия	47,1
Иркутская область	66,1	Чеченская Республика	48,0
Вологодская область	64,4	Кабардино-Балкарская Республика	48,4
Республика Карелия	63,3	Республика Адыгея	48,5

Характеризуя полученные результаты, отметим: ожидаемым являлся тот факт, что в состав регионов-аутсайдеров вошли республики Северного Кавказа и Адыгея, которые отличаются более низкими показателями по уровню занятости женщин и их представленности в политике, более высокими различиями в размерах заработной платы и, как следствие, пенсий. Кроме того, если учесть доходы от неформальной занятости, получаемые в основном мужчинами, и распространенность традиционалистских социокультурных норм гендерного поведения, то можно говорить, как отмечают Н. В. Зубаревич и С. Ю. Рошин, о более высоком уровне гендерного неравенства в этих регионах [Рошин, Зубаревич, 2005: 39].

Высокие показатели по уровню достигнутого гендерного равенства наблюдаются в регионе, находящемся близко от Москвы (Калужская область). Здесь гендерное равенство обеспечивается преимущественно за счет высоких индикаторов представленности мужчин и женщин в политике. Кроме того, в список лидеров по показателю GGI входят Вологодская область и Республика Карелия, а также два региона Сибирского федерального округа — Кемеровская и Иркутская области, где гендерное равенство достигается за счет высоких показателей благосостояния, экономической и политической активности.

мужчин и женщин. По каждому показателю, включенному в GGI, в качестве критерия гендерного равенства принимается равенство соответствующих показателей для мужчин и женщин. Таким образом, в случае полного равенства соотношение показателей для мужчин и женщин должно быть равно 1. Значение меньше 1 соответствует отставанию женщин от мужчин по данному показателю. Максимальная степень концентрации гендерной власти достигается при значении показателя равном 0.

² Таблица составлена по альтернативному принципу, т. е. регионы с максимальными значениями показателей GGI ранжированы по убыванию (уровень гендерного равенства уменьшается), регионы с минимальными значениями показателей GGI — по возрастанию (уровень гендерного равенства возрастает).

Подчеркнем, что в целом выявленные тенденции совпадают с результатами исследований, полученными Е. Б. Мезенцевой. Исключением стал один из регионов Сибири, который за рассматриваемый период (с 2009 г.) из региона с максимальными гендерными диспропорциями превратился в регион — лидер по уровню достигнутого гендерного равенства. Значения частных и интегральных индексов, полученные Е. Б. Мезенцевой и нами, наглядно демонстрируют динамику изменений (табл. 2).

Таблица 2

Динамика изменения элементов GGI в Кемеровской области

Индекс	2009 г.	2013 г.
Экономическая активность	67,02	68,50
Благосостояние	28,84	47,02
Политика, управление	12,01	85,42
Здоровье и долголетие	61,68	68,82
Интегральный GGI	42,39	67,44

Динамика прорывных изменений в сфере политики связана с изменением гендерных пропорций в составе депутатов Законодательного собрания. Так, если количество депутатов-женщин за исследуемый период увеличилось с 8 до 10 человек, то количество депутатов-мужчин, напротив, сократилось с 28 до 25 человек. Произошло также сокращение гендерного разрыва в заработной плате и в размерах пенсий (на 8 и 3 % соответственно).

Не останавливаясь далее подробно на сравнительном анализе динамики изменения GGI в регионах России, перейдем к описанию исходных данных нашей модели и их первичному анализу.

Данные и результаты эконометрического моделирования

GGI, рассчитанный по регионам России на основе данных 2013 г., был использован в качестве результативного признака. Гипотеза исследования сформулирована аналогично гипотезе исследования с применением метода межстрановых сопоставлений [Базуева, 2012, 2013]: уровень гендерного неравенства, измеряемый GGI, зависит от качества институциональной среды в целом и уровня экономической и социальной эффективности функционирования экономики регионов России. Отбор факторных переменных для данной эконометрической модели (табл. 3) из модели, построенной ранее, основывался на следующих особенностях.

Во-первых, учтены ограничения региональной статистики в отслеживании показателей, отражающих экономическую и институциональную эффективность функционирования экономики субъектов РФ.

Во-вторых, спектр показателей, отражающих социальную эффективность функционирования региональной экономики, был дополнен индексом Джини, характеризующим степень дифференциации доходов населения, и комбинированным показателем «индекс качества жизни», измеряющим способность субъектов РФ обеспечить населению благоприятные условия жизни.

Таблица 3

Факторные признаки модели³

Индикатор	Сокращение	Единица измерения
Экономическая эффективность		
Объем ВРП на душу населения	GRP ₁	млн руб.
Уровень развития науки и внедрения достижений научно-технического прогресса в регионе	STPR	ранг от 1 до 83
Объем инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг	InPS	%
Удельный вес организаций, осуществлявших инновационную деятельность, в общем числе организаций	InO	%
Доля региона в инвестиционном потенциале России	IP	%
Среднедушевые денежные доходы населения	Incom	тыс. руб. в месяц
Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума	InBLW	%
Уровень экономической активности населения	EAP	%
Институциональная эффективность		
Степень развития ведущих институтов рыночной экономики	DIR	ранг от 1 до 83
Оценка деятельности органов власти субъекта РФ	EG	балл от 1 до 83
Объем бытовых услуг на душу населения	DS ₁	руб.
Охват детей дошкольным образованием	CCPE	%
Социальная эффективность		
Индекс человеческого развития по регионам	HDI	от 0 до 1
Индекс качества жизни	QLI	от 0 до 100
Индекс Джини	GI	от 0 до 1

В ходе работы были протестированы различные спецификации модели: 1) линейные модели с зависимой переменной «индекс гендерного неравенства»; 2) логарифмические модели с зависимой переменной «логарифм индекса гендерного неравенства» и логарифмами факторных признаков. Среди рассмотренных моделей наилучшей оказалась вторая с точки зрения информационных критериев Г. Шварца и Х. Акайке и скорректированного коэффициента детерминации.

В таблице 4 представлены результаты эконометрического моделирования.

Были проведены тесты на автокорреляцию, нормальность регрессионных остатков, гетероскедастичность. Статистика Дарбина — Уотсона ($DW = 1,756$) показывает, что в остатках нет автокорреляции. Поскольку p -value Jarque — Bera равно 0,592, то регрессионные остатки распределены нормально. По критерию White гетероскедастичность отсутствует (p -value равно 0,412).

³ Исходные статистические данные для эконометрического анализа за 2013 г. были взяты из статистических сборников и аналитических докладов [Рейтинг инвестиционной привлекательности..., 2015; Доклад..., 2013; Регионы России..., 2015; Женщины и мужчины..., 2014; Рейтинг российских регионов..., 2016]. Первоначально в выборку входили все 83 субъекта РФ (по состоянию на 2013 г.). Однако некоторые данные были недоступны, и окончательная выборка состояла из 82 наблюдений.

Таблица 4

Результаты оценки модели для определения уровня влияния GGI

Зависимая переменная $\ln GGI$			
Переменная	Оценка параметра	Робастные стандартные ошибки	Значимость
<i>const</i>	3,1647	0,3861	***
$\ln GRP_1$	0,0103	0,0056	*
$\ln QLI$	-0,1104	0,0446	**
$\ln HDI$	-0,7696	0,3103	**
$\ln IP$	0,1242	0,0353	***
$\ln DIR$	0,0969	0,0274	***
$\ln STPR$	-0,0685	0,0264	**
$\ln CCPE$	0,2009	0,0267	***
$\ln DS_1$	-0,0446	0,0129	***
$\ln Incom$	-0,0126	0,0023	***
$\ln EG$	0,0753	0,0355	*
$\ln GI$	-0,2437	0,1433	*
R^2	0,7807	R^2_{adj}	0,6812

Примечание. ***, **, * — значимость на 1, 5 и 10 %-ном уровне соответственно.

Несущественность влияния значения GGI на уровень экономической активности населения объясняется тем, что в нашей стране высокий уровень занятости женщин в основных трудоспособных возрастах в целом, сохраняющийся с советского периода, сопоставим с уровнем экономической активности мужчин. Неслучайно эксперты ООН подчеркивают, что для России в большей степени актуальны проблемы скрытой, а не прямой гендерной дискриминации [Рощин, Зубаревич, 2005].

Выявление действительных причин отсутствия существенного влияния показателей $\ln PS$ и $\ln O$ на объясняемую переменную GGI требует отдельных исследований, поскольку результаты эконометрического моделирования демонстрируют значимость влияния уровня развития науки и внедрения достижений НТП, а также уровня инновационности социально-экономических систем в регионе на степень концентрации гендерного неравенства.

Что касается показателя численности населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, то его взаимосвязь с уровнем гендерного равенства в развитых странах и регионах России имеет разнонаправленные тенденции. Для российских регионов, как показывают исследования Н. В. Зубаревич, характерно так называемое «равенство в бедности» [там же: 40]. Данный вывод подтвердили и результаты нашего эконометрического моделирования, которые продемонстрировали обратную зависимость между среднедушевыми доходами населения, объемом бытовых услуг на душу населения и GGI. Считаем, что полученные результаты можно объяснить низким уровнем развития институциональной инфраструктуры в регионах России.

В целом результаты эконометрического моделирования показывают, что, во-первых, существует взаимосвязь между уровнем гендерного неравенства и эффективностью экономического развития регионов. Подчеркнем, что полученная нами положительная зависимость между показателями, отражающими насыщенность территории региона факторами производства, влияющими на потенциальные объемы инвестирования (доля региона в инвестиционном потенциале

России), свидетельствует о значимости гендерного фактора при повышении эффективности формирования и использования человеческого капитала страны и, как следствие, повышении эффективности функционирования региональной экономики. Данный вывод подтверждает также наличие положительной связи между GGI и объемом ВВП на душу населения, который определяет уровень экономического развития и качество роста региональных экономических систем.

Во-вторых, в отличие от результатов эконометрической модели 2009 г., основанной на методе межстрановых сопоставлений [Базуева, 2012, 2013], противоречивы полученные зависимости между воспроизводством гендерного неравенства и институциональной эффективностью функционирования экономики регионов России. На наш взгляд, это определяется спецификой институционального дизайна регионов и является следствием низкого качества институциональной среды в целом.

Так, например, с одной стороны, выявлена обратная зависимость между GGI и показателем степени развития ведущих институтов рыночной экономики. Однако, согласно результатам оценочных моделей, приоритетным фактором, определяющим качество институциональной системы, является степень равномерности распределения доходов населения [Alonso, Garcimartin, 2009]. Известно, что функционирование системы институтов, обуславливающих воспроизводство гендерного неравенства на всех этапах развития общества, основано на неравномерном распределении результатов труда мужчин и женщин, которое, несомненно, усиливает дифференциацию доходов населения [Aker, 2006]. Данный вывод подтверждает и полученная нами обратная зависимость между GGI и индексом Джини, означающая, что уменьшение уровня дифференциации доходов населения в регионах России способствует движению к гендерному равенству. Кроме того, результаты эконометрических исследований устанавливают положительную зависимость между уровнем социального неравенства⁴ и объемом ВРП [Глазырина, Клевакина, 2013; Григорьев и др., 2015], что дает основание рассматривать данное неравенство как один из факторов развития регионов России в условиях современной экономики.

С другой стороны, полученная в модели значимая зависимость позволяет сделать вывод, что снижение воспроизводства гендерного неравенства зависит от наличия обратных связей, которые обеспечивают возможность отслеживать корректность функционального наполнения институтов. Безусловно, система обратных связей может эффективно работать только при наличии инструментов влияния на действия властей всех уровней управления (функция контроля) у любого экономического агента. С этой целью, как считают международные эксперты, необходимо осуществлять не только общественную экспертизу эффективности функционирования органов государственной власти, но и специальную гендерную экспертизу всех управленческих решений (подробнее см.: [Кто несет ответственность... , 2009]). Данный вывод подтверждает полученная в модели зависимость между уровнем гендерного неравенства и степенью удовлетворенности населения деятельностью органов власти субъекта РФ. При этом заметим, что в Перечне показателей для оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти в субъектах РФ, утвержденном Указом Президента РФ в 2012 г.,

⁴ Гендерное неравенство является составляющей социального неравенства в целом.

гендерный критерий не рассматривается в качестве перекрестного критерия оценки. Хотя Перечень содержит 6 из 11 показателей, отражающих уровень развития человеческого капитала, который, как отмечалось выше, имеет гендерную специфику.

Представляется закономерной выявленная нами причинная зависимость, подтвердившая значимость развития сети коллективных дошкольных образовательных учреждений (ДОУ) для обеспечения гендерного равенства. Подчеркнем, что актуальная в настоящее время проблема доступности ДОУ территориально дифференцирована. К примеру, в регионах России, лидирующих по охвату детей в возрасте до 6 лет ДОУ, значение показателя составляет более 80 % (Чукотский автономный округ, Новгородская область, Республика Коми, Челябинская область, Мурманская область), в отстающих — не превышает 40 % (Карачаево-Черкесская Республика, Республика Тыва, Республика Дагестан, Чеченская Республика, Республика Ингушетия). Известно, что именно для этих регионов России характерен самый высокий уровень гендерного неравенства.

В-третьих, полученная в модели обратная зависимость между GGI и ИРЧП подтвердила вывод исследований Н. В. Зубаревич, что в регионах России гендерное равенство обеспечивается на основе деградации человеческого потенциала. Исключением является единственный регион — г. Москва [Роцин, Зубаревич, 2005: 39]. Следовательно, руководство нашей страны продолжает определять человеческий ресурс прежде всего количественными параметрами. Роль качественных параметров в развитии человеческого капитала, в число которых также входит сбалансированность гендерных отношений в экономике и обществе, недооценивается. Заметим, что реализуемые установки Правительства РФ адекватны доиндустриальной фазе экономического развития. Это означает, что развитие регионов России продолжает основываться на факторах первой природы (обеспеченность природными ресурсами и географическое положение). Тем не менее в условиях современной экономики к основным факторам пространственного развития относятся конкурентные преимущества, созданные деятельностью человека и общества: агломерационный эффект, развитие инфраструктуры, сокращающее экономическое расстояние, человеческий капитал, институты, способствующие улучшению предпринимательского климата, мобильности населения, распространению инноваций и др. [Зубаревич, 2010: 10]. Данный вывод подтверждает и полученная нами обратно функциональная зависимость между GGI и комбинированным показателем «индекс качества жизни», измеряющим способность субъектов РФ обеспечить населению благоприятные условия для жизни. При сохранении указанных трендов в долгосрочной перспективе можно ожидать усиления диспропорций в региональном развитии России, которые будут тормозить темпы развития национальной экономики в целом.

Заключение

Приходится констатировать, что в регионах России не используются новые факторы социально-экономического развития, которые напрямую связаны со свободной деятельностью членов общества, т. е. системно не учитывается эффективность свободы при достижении более высоких темпов и качества экономического роста [Сен, 2004: 143]. Как показал наш анализ, это не только составляет скрытый резерв развития экономики регионов России, но и является

необходимым условием их устойчивого и сбалансированного развития в будущем. Процесс осознания нового источника экономического роста, безусловно, потребует кардинальных изменений в ценностных ориентирах и содержании государственной политики, создания системы специализированных институтов, обеспечивающих гендерное равенство на всех уровнях экономики. Формирование такой системы предполагает:

— введение в каждом субъекте РФ должности специального эксперта по вопросам равноправия полов, осуществляющего контроль качества развития гендерной проблематики в регионе;

— интеграцию гендерного подхода в деятельность всех министерств и ведомств посредством включения гендерного критерия в качестве перекрестного критерия оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти в субъектах РФ;

— осуществление гендерной экспертизы управленческих решений, обеспечивающей возможность контроля корректности функционального наполнения действующих институтов, ограничивающих дальнейшее воспроизводство гендерного неравенства;

— развитие в регионах институциональной инфраструктуры в виде сети детских дошкольных учреждений и повышения доступности бытовых услуг, обеспечивающих возможность получения равного дохода мужчинами и женщинами в общественном секторе экономики.

Заметим, что приведенный перечень направлений формирования системы специализированных институтов, обеспечивающих гендерное равенство в регионах России, затрагивает только органы государственной власти как одного из субъектов институциональных воздействий. Разработка комплексной системы институтов с учетом специфики институционального дизайна регионов РФ станет исследовательской задачей будущих публикаций авторов.

Библиографический список

- Базуева Е. В.* Эффективность внешней среды как детерминант качества системы институтов гендерной власти // *Женщина в российском обществе*. 2012. № 2. С. 34—43.
- Базуева Е. В.* Эконометрический анализ взаимосвязи показателей национальной экономики и гендерного неравенства // *Вестник Московского университета*. Сер. 6, Экономика. 2013. № 2. С. 71—84.
- Глазырина И. П., Клевакина И. А.* Экономический рост и неравенство по доходам в регионах России // *Всероссийский экономический журнал*. 2013. № 11. С. 113—128.
- Григорьев Р. А., Крамин М. В., Крамин Т. В., Тимирясова А. В.* Неравенство распределения дохода и экономический рост в регионах России в посткризисный период // *Экономика региона*. 2015. № 3. С. 102—113.
- Доклад о комплексной оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации по итогам 2013 года. 2013. URL: <http://www.orenburg-gov.ru/upload/medialibrary/a43/a4318c2af7913ec684fb102b2d828e47.pdf> (дата обращения: 20.04.2017).
- Женщины и мужчины России: статистический сборник. М.: Росстат 2014. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138887978906 (дата обращения: 20.04.2017).

- Зубаревич Н. В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. М.: Независим. ин-т соц. политики, 2010. 160 с.
- Калабихина И. Е. Гендерный фактор в экономическом развитии России. М.: МАКС Пресс, 2009. 240 с.
- Кто несет ответственность перед женщинами?: гендер и подотчетность: отчет Фонда ООН для развития в интересах женщин в 2008/09 г. 2009. URL: http://www.unifem.org/progress/2008/media/POWW08_Report_Full_Text_ru.pdf (дата обращения: 15.01.2011).
- Мезенцева Е. Б. Гендерный рейтинг регионов России // Права женщин и институты гендерного равенства в регионах России / отв. ред. Н. М. Римашевская, О. А. Воронина, Е. А. Баллаева. М.: МАКС Пресс, 2010. С. 302—327.
- Регионы России: социально-экономические показатели, 2015: статистический сборник. М.: Росстат, 2015. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_14p/Main.htm (дата обращения: 10.04.2016).
- Рейтинг инвестиционной привлекательности регионов России в 2015 г. 2015. URL: http://www.raexpert.ru/rankingtable/region_climat/2015/tab03/ (дата обращения: 20.04.2016).
- Рейтинг российских регионов по качеству жизни — 2015. 2016. URL: <http://www.riarating.ru/infografika/20160225/630010958.html> (дата обращения: 20.04.2016).
- Роцин С. Ю., Зубаревич Н. В. Гендерное равенство и расширение прав и возможностей женщин в России в контексте целей развития тысячелетия: доклад. М.: ИНФОРЕС-Принт, 2005. 73 с.
- Сен А. Развитие как свобода / пер. с англ. под ред. и с послесл. Р. М. Нуреева. М.: Новое изд-во, 2004. 432 с. (Библиотека фонда «Либеральная миссия»).
- Acker J. Inequality regimes: gender, class, and race in organizations // *Gender and Society*. 2006. № 4. P. 441—464. URL: www.sagepub.com/oswconensed/study/articles/05/Acker.pdf (дата обращения: 04.12.2013).
- Alonso J., Garcimartin C. The Determinants of Institutional Quality. 2009. URL: www.nottigham.ac.uk/credut/documents/papers/09-04.pdf (дата обращения: 09.08.2011).
- Berhard E., Goldsheider F. Domestic Gender Equality and Childbearing: First and Second Births in Sweden. 2013. URL: <http://www.demographic-research.org/volumes/vol29/40/29-40.pdf> (дата обращения: 24.03.2013).
- Deaton A., Case A. Consumption, Health, Gender and Poverty: Research Program in Development Studies. 2002. URL: https://www.princeton.edu/rpds/papers/pdfs/case_deaton_consumption_health_gender.pdf (дата обращения: 29.08.2016).
- Hausmann R., Tyson L., Zahidi S. The Global Gender Gap Report. 2011. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GenderGapReport_2011.pdf (дата обращения: 17.04.2015).

References

- Acker, J. (2006) Inequality regimes: gender, class, and race in organizations, *Gender and Society*, no. 4, pp. 441—464, available from www.sagepub.com/oswconensed/study/articles/05/Acker.pdf (accessed: 04.12.2013).
- Alonso, J., Garcimartin, C. (2009) *The Determinants of Institutional Quality*, available from www.nottigham.ac.uk/credut/documents/papers/09-04.pdf (accessed 09.08.2011).
- Bazueva, E. V. (2012) Эффективност' vneshnei sredy kak determinant kachestva sistemy institutov gendernoї vlasti [The effectiveness of the external environment as a determinant

- of quality of gender power institutions system], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 34—43.
- Bazueva, E. V. (2013) *Ėkonomicheskiĭ analiz vzaimosvazi pokazatelei natsional'noi ėkonomiki i gendernogo neravenstva* [Econometric analysis of the relationship of indicators of the national economy and gender inequality], *Vestnik Moskovskogo universiteta*, seriia 6, Ėkonomika, no. 2, pp. 71—84.
- Berhard, E., Goldsheider, F. (2013) *Domestic Gender Equality and Childbearing: First and Second Births in Sweden*, available from <http://www.demographic-research.org/volumes/vol29/40/29-40.pdf> (accessed 24.03.2013).
- Deaton, A., Case, A. (2002) *Consumption, Health, Gender and Poverty: Research Program in Development Studies*, available from https://www.princeton.edu/rpds/papers/pdfs/case_deaton_consumption_health_gender.pdf (accessed 29.08.2016).
- Doklad o kompleksnoi otsenke ėffektivnosti deiatel'nosti organov ispolnitel'noi vlasti sub'ektov Rossiiskoi Federatsii po itogam 2013 goda* (2013) [Report on the comprehensive assessment of executive authorities activity of the Russian Federation regions for 2013], available from <http://www.orenburg-gov.ru/upload/medialibrary/a43/a4318c2af7913ec684fb102b2d828e47.pdf> (accessed 20.04.2016).
- Glazyrina, I. P., Klevakina, I. A. (2013) *Ėkonomicheskiĭ rost i neravenstvo po dokhodam v regionakh Rossii* [Economic growth and income inequality in the regions of Russia], *Vserossiiskii ėkonomicheskiĭ zhurnal*, no. 11, pp. 113—128.
- Grigor'ev, R. A., Kramin, M. V., Kramin, T. V., Timiriasova, A. V. (2015) *Neravenstvo raspredeleniia dokhoda i ėkonomicheskiĭ rost v regionakh Rossii v postkrizisnyiĭ period* [Income distribution inequality and economic growth in the regions of Russia in the post-crisis period], *Ėkonomika regiona*, no. 3, pp. 102—113.
- Hausmann, R., Tyson, L., Zahidi, S. (2011) *The Global Gender Gap Report*, available from http://www3.weforum.org/docs/WEF_GenderGapReport_2011.pdf (accessed 17.04.2015).
- Kalabikhina, I. E. (2009) *Gendernyiĭ faktor v ėkonomicheskom razvitii Rossii* [The gender factor in the economic development of Russia], Moscow: MAKS Press.
- Kto nesĕt otvetstvennost' pered zhenshchinami?: Gender i podotchetnost' : Otchet Fonda OON dlia razvitiia v interesakh zhenshchin v 2008/09 g.* (2009) [Who is responsible for women?: Gender and accountability: Report of the United Nations Development Fund for Women in 2008/09], available from http://www.unifem.org/progress/2008/media/POWW08_Report_Full_Text_ru.pdf (accessed 15.01.2011).
- Mezentseva, E. B. (2010) *Gendernyiĭ reiting regionov Rossii* [Gender rating of region of Russia], in: *Prava zhenshchin i instituty gendernogo ravenstva v regionakh Rossii*, Moscow: MAKS Press, pp. 302—327.
- Roshchin, S. Iu., Zubarevich, N. V. (2005) *Gendernoe ravenstvo i rasshirenie prav i vozmozhnostei zhenshchin v Rossii v kontekste tselei razvitiia tysiacheletia*: Doclad [Gender equality and the empowerment of women in Russia in the context of the millennium development goals: A report], Moscow: INFORES-Print.
- Sen, A. (2004) *Razvitie kak svoboda* [Development as Freedom], Moscow: Novoe izdatel'stvo.
- Zubarevich, N. V. (2010) *Regiony Rossii: neravenstvo, krizis, modernizatsiia* [Regions of Russia: the inequality, crisis, modernization], Moscow: Nezavisimyĭ institut sotsial'noi politiki.

Информация об авторах / Information about the authors

Базуева Елена Валерьевна — доктор экономических наук, профессор кафедры мировой и региональной экономики, экономической теории, Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь, Россия, bazueva.l@mail.ru (Dr. Sc. (Econ.), Professor at the Department of World and Regional Economics, Economic Theory, Perm State National Research University, Perm, Russian Federation).

Радионова Марина Владимировна — кандидат физико-математических наук, доцент кафедры высшей математики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Пермь), г. Пермь, Россия, m.radionova@rambler.ru (Cand. Sc. (Phys.-Math.), Associate Professor at the Department of Mathematics, National Research University “Higher School of Economics” (Perm), Perm, Russian Federation).